

Согласно исходному сюжету, Ци Цунсюэ не знал об этих событиях. На самом деле, известие о прибытии армии Бэйнин в столицу через пять дней еще не распространилось, и газеты начнут писать об этом только завтра. Оригинальный Ци Цунсюэ, находясь под гнетом зависимости, провел эти пять дней в мучительных колебаниях и не обращал внимания на «государственные дела». Только после того, как он ушел из президентского дворца и вернулся домой в подавленном состоянии, он услышал шум от другого театра, который поздно вечером устроил шумное представление, и только тогда узнал об этом.

Запомнил ли командующий Сун это обещание, Ци Цунсюэ не знал, так как впоследствии он долгое время находился в упадке и редко выступал. Когда он впервые после долгого перерыва вышел на сцену, командующий Сун прислал корзину с деньгами за кулисы с запиской: «Познав жизнь, не забудь о своих корнях».

Именно эти слова заставили руку Ци Цунсюэ, уже привыкшую держать опиумную трубку, дрожать. Он держал эту записку и плакал в одиночестве, осознавая, что его саморазрушение дошло до того, что он больше не мог петь, как раньше. Опытный командующий Сун понимал, что перед ним уже не тот Ци Цунсюэ, который когда-то исполнял роль Ду Линян.

С тех пор ему сообщили, что место командующего Суна в театре больше не зарезервировано.

И он уже не мог вернуться назад, погружаясь все глубже в пучину.

К командующему Суну он испытывал смесь уважения и страха, а также сожаления о своем невыполненном обещании.

Теперь, когда Хань Сю оказался в этой ситуации, он не собирался повторять ошибок Ци Цунсюэ и пассивно подчиняться контролю третьего господина.

Ци Цунсюэ проиграл из-за своей зависимости и репутации: ярлык «предателя» прилип к нему с того момента, как он вышел из президентского дворца, и даже тот, кто не верил в это, Тун Сюй, он лишил последней капли наивности. В итоге он оказался полностью отвергнутым всеми.

Поэтому Хань Сю ни за что не позволит имени «Ци Цунсюэ» запятнаться. Напротив, он сделает это имя чистым, как снег.

И первым шагом к этому станет благотворительный спектакль, организованный из патриотических побуждений.

Он медленно обдумывал свои действия, погружаясь в ванну с лекарственными травами, чувствуя, как их действие разливается по всему телу, вызывая легкое покалывание и онемение. Это было проявление скрытых проблем организма Ци Цунсюэ. Чтобы быть в наилучшей форме для предстоящего спектакля через пять дней, нужно было подготовиться на все сто.

В последующие три дня он ежедневно выходил на сцену. Хотя он уже был признанным мастером и не обязан был выступать так часто, он все же ограничивался короткими партиями, чтобы сохранить голос. Ци Цунсюэ обладал отличными вокальными данными, но теперь этим телом управлял Хань Сю, который не пел уже сотни лет. Чтобы достичь уровня Ци Цунсюэ или даже превзойти его, он был вынужден постоянно тренироваться. Усилия не прошли даром, и за эти три дня он быстро вернул себе ощущение пения. Зрители, которые беспокоились о его нестабильном состоянии, успокоились.

Армия Бэйнин прибыла на четвертый день. В этот день театр вывесил объявление, что мастер

Ци сегодня не будет выступать, а завтра вечером состоится благотворительный спектакль в честь победы армии. Приглашение было отправлено в дом командующего Суна заранее.

\*

Уставшая от весенних прогулок,

Не нуждаюсь в благоухающих одеялах.

О, весна! Если есть настроение, сон еще недалеко!

\*

Последние слова прозвучали, и мелодия, поднявшись ввысь, медленно растворилась в воздухе. Рукав плавно скользнул вниз, завершая движение. На сцене воцарилась тишина, и даже звук шелканья семечек не нарушал ее.

— Bravo! — внезапно раздался возглас, прервавший тишину.

Как будто сняв оковы, зал взорвался аплодисментами, громовыми и продолжительными.

Хань Сю тихо поднялся, одетый в роскошный костюм актера, и, улыбнувшись, изящно поклонился зрителям, после чего спокойно удалился за кулисы.

Третий господин в гримерке был удивлен, увидев его так быстро:

— Почему ты не остался подольше?

Хань Сю бросил на него взгляд:

— Зачем оставаться?

— ...Не сказал даже слов благодарности, — с легким упреком произнес третий господин, пытаясь наставить его. — Инициатива этого спектакля исходила от тебя, так как же ты можешь бросить все сразу после окончания?

Хань Сю неспешно ответил:

— Цунсюэ всего лишь актер. Его дело — петь. Когда спектакль закончен, моя роль выполнена.

— Ты! — третий господин хотел что-то сказать, но, походив взад-вперед, лишь вздохнул, не находя слов.

Он мог только сокрушаться, что Ци Цунсюэ, кажется, настолько увлечен театром, что забыл о мире за его пределами. Виной всему было его собственное излишнее потворство.

Наступила тишина.

Внезапно снаружи раздался шум, и третий господин, подняв голову, увидел, что его мысли материализовались.

Только что он думал о командующем Суне, и вот тот сам подошел. Третий господин тут же надел свою деловую улыбку и подошел к нему:

— Командующий Сун! Какая неожиданная честь видеть вас здесь.

Командующий Сун прищурился, оценивая его, и через мгновение его круглое румяное лицо озарилось вежливой улыбкой:

— А это кто?..

Он посмотрел в сторону. Увидев Ци Цунсюэ, который прервал снятие грима и повернулся к нему, его улыбка стала искренней и теплой:

— Мастер Ци, представьте меня?

Хань Сю бросил взгляд на третьего господина:

— Командующий Сун, это третий господин. Благодаря его заботе последние три года я мог спокойно заниматься своим делом. Его доброта всегда в моем сердце.

Третий господин был польщен, но, находясь перед командующим Суном, старался не показывать этого, поспешно отмахиваясь:

— Ну что вы, любовь к искусству свойственна каждому. Все, что я сделал, — это создал условия для мастера Ци, чтобы его спектакли становились еще лучше.

Командующий Сун перевел взгляд с одного на другого, словно что-то понял, и, не комментируя слова третьего господина, обратился к Хань Сю:

— Мастер Ци...

— Если вы не против, можете называть меня просто Цунсюэ. Звание мастера перед вами неуместно, — с улыбкой сказал Хань Сю.

— Хорошо, Цунсюэ, — согласился командующий Сун. — Сегодняшний спектакль был великолепен, просто потрясающ! Его можно назвать шедевром, который будет звучать в ушах еще три дня! Не только в столице, но и во всем Цзяннане не найти второго такого Ду Линян! Не думал, что за полгода ты так вырос в мастерстве! И самое главное — твоя искренность. Молодец, молодец, молодец!

— Командующий, вы слишком добры. Цунсюэ лишь хотел исполнить свое обещание и подарить вам небольшой подарок в честь вашей победы. Вы, командующий, в свои годы продолжаете защищать страну на передовой, а я, простой актер, могу лишь сделать это скромное подношение.

Кто не любит похвалы? Хань Сю, хоть и говорил скромно, был искренне рад, что его труд оценили. Его улыбка, несмотря на толстый слой грима, излучала искреннюю радость. Командующий Сун, видя его простодушие, проникся к нему еще большей симпатией. Ци Цунсюэ был молод enough, чтобы быть его внуком, и его детская непосредственность тронула сердце старого генерала.